

мам»¹. «Однако замена эта имела место не во всех говорах русского языка...»².

По нашему мнению, для происхождения цоканья гораздо легче (и правдоподобнее) допустить воздействие со стороны (угро-)финского субстрата. В пользу этого предположения говорят различные факты, на которых мы считаем нужным остановиться здесь.

В первую очередь, нуждается в уточнении вопрос о древнейших восточнославяно-финских взаимоотношениях. Ибо решение проблемы происхождения цоканья будет зависеть и от того, к какому периоду отнести древнейшие контакты восточных славян с прибалтийско-финскими племенами. Исторические, археологические, этнографические и число лингвистические данные свидетельствуют о том, что эти контакты установились не в X—XI вв., как считает В. Г. Орлова, а гораздо раньше (примерно с VII вв.)³. С другой стороны, такие крупные ученые как Э. Н. Сетяля, А. А. Шахматов, Я. Калима, А. И. Соболевский, Я. Розвадовский, Т. Лер-Сплавинский, В. И. Лыткин и др. допускали что, в прибалтийско-финских языках имеются праславянские заимствования, а в славянских языках — лексические прафинские заимствования⁴.

Кроме того, имеются исторические свидетельства об ассимиляции финского элемента на территории древней Руси. Так, на территории Ростово-Суздальской земли восточными славянами были ассимили-

¹ История аффрикат..., стр. 140.

² Там же, стр. 140.

³ См. подробный анализ всех этих данных в рецензии В. И. Лыткина на книгу В. Г. Орловой, ИАН, ОЛЯ, XX (1961), вып. 1, стр. 79—86. О наличии контакта между западными финно-уграми и славянами (первоначально кривичами и словенями, а позже и с вятичами) в VI—VII вв., недавно говорил Ф. П. ФИЛИН в статье *Об образовании языка восточных славян*, ИАН, ОЛЯ, XXI (1962), вып. 3, стр. 213.

⁴ В *Материалах дискуссии IV Международного съезда славистов*, т. II, Москва, 1962 (в дальнейшем *Материалы...*), стр. 448, В. И. Лыткин пишет, что «вероятно древнейшие заимствования из русского языка в прибалтийско-финские попали в V—VII вв., тогда, когда славяне проникли в бассейн оз. Ильмень. Это подтверждают и данные археологии (см. работы эстонского археолога Моора). В этот же период и на этой же территории, видимо, происходит и выработка цоканья в русских диалектах Новгородской земли, происходившая не без влияния местных прибалтийско-финских диалектов, в первую очередь, диалекта летописной чуди, который был распространен к югу и юго-востоку от южно-эстонцев». По вопросу о древнейших славянских лексических заимствованиях в финских языках см. статью В. КИПАРСКОГО, *О хронологии славяно-финских лексических отношений*, «Scando-Slavica», IV, 1958, стр. 127—136. См. резюме статьи в *Материалах...*, стр. 427—429. См. также Л. ХАКУЛИНЕН, *Развитие и структура финского языка*, т. II, *Лексикология и синтаксис* (перевод с финского), Москва, 1955, стр. 49—50. О взаимных заимствованиях (из прибалтийско-финских языков в древнерусском и обратно из древнерусского в прибалтийско-финском) см. Л. П. ЯКУБОВСКИЙ, *История древнерусского языка*, Москва, 1953, стр. 343—346; П. Я. ЧЕРНЫХ, *Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период*, Издательство Московского Университета, 1956, стр. 155—156 (См. стр. 155: «Финны с древнейшего времени начали усиленно перенимать отдельные слова у русских славян и усваивать их язык»). О финских заимствованиях в древнерусском языке см. также недавнюю статью Д. Н. ШМЕЛЕВА, *Заимствования из прибалтийско-финских языков в старорусских памятниках письменности*, «Вопросы славянского языкознания», вып. 5, Москва, 1961, стр. 191—199. О контакте праславян и прафиннов см. также В. И. Эрнсте, *Материалы...*, стр. 449.